

Герман Коген

НАУКИ О ДУХЕ И ФИЛОСОФИЯ¹

Все естественные науки являются науками о природе. Являются ли и все науки о духе таковыми? Некоторые сами избегают данного названия, как это произошло, например, с наукой о языке² или с наукой о хозяйстве, и с нее затем вся история была захвачена этим скепсисом. Но разве науки о духе не являются в своем воплощении историческими науками, или, иначе, не является ли история народов во всех областях историей человеческого духа? Следовательно, понятие духа было бы поставлено под вопрос, если бы исторические науки, вне сомнения, не были бы науками о духе.

Всем наукам о духе проблема духа так же обща, как и проблема природы — естественным наукам. Все они покоятся на понятии духа. Но какое значение имеет это понятие? Так мы должны спросить, в конце концов. И ответ в своей основе может быть только один: сущность духа проявляет себя в *познании*, которое образует фундамент и руководство всех наук. Дух — в значении человеческого духа, потому что он является духом методического познания, методов познания науки. *Дух научного познания* — признак человеческого разума, который развивается в научный разум. Тем самым науки о духе объединяются в проблеме научного разума как корне всего научного познания.

Это понятие наук о духе может показаться слишком широким, так как оно должно включать в себя и естественные науки. Но могло ли быть по-другому, если любая наука имеет своей предпосылкой познание, таким образом, дух?

¹ Перевод сделан по: *Hermann Cohen. Kleinere Schriften V. 1913—1915. Bearb. und einl. von H. Wiedebach // Hermann Cohen. Werke. Bd. 16. Kleinere Schriften V. Hildesheim; Zürich; New York, 1997. S. 29—38.* Все сноски сделаны по указанному изданию.

² Vgl. etwa August Schleicher: *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft, offense Sendschreiben an Herrn Dr. Ernst Hackel, 2. Aufl., Weimar, Hermann Böhlau 1873.* Дуализм природы и духа отклоняется. Языки считаются «организмами природы» (S. 7), которые следует изучать методами естественно-природного монизма Эрнста Геккеля. О том же и история лингвистического позитивизма в конце XIX столетия — ср.: *Ernst Cassirer. Philosophie der symbolischen Form, 1. Teil: Die Sprache, 7. Aufl., Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977. S. 108 ff.*

Ошибочно было бы полагать слишком широким определение духа, охватывающее и основу познания естественных наук. Видимость исчезает, как только мы задумаемся о *философии*. Чему она принадлежит? Не образует ли она духовную связь, которая отличает естественные науки от *Encheiridien naturae*³ и тем самым спасает науки о духе от провала в материализм?

Философия является основой единства наук о духе не вопреки тому, что она в этом единстве одновременно закладывает и основу естественных наук, а как раз потому, что она способна на это, потому, что из ее корня прорастают оба этих ствола наук. Объект как проблема составляет различие: там — природа, здесь — дух. Но дух есть познание, а на познании покоится и проблема природы.

Если бы не было так, что научный дух должен с равной ответственностью представлять обе проблемы, то не было бы никакой философии, существование которой было бы оправдано, а именно той, которая обладала бы правом постоянно осуществляющейся истории духа. Философия свидетельствует о своем бытии в постоянном ходе своей истории, и эта ее историческая работа всегда равным образом разделяется на оба вида объекта и проблемы.

Оба больших ствола от корня познания расширяются в качестве *логики* и в качестве *этики*. Оба этих источника силы философии способствуют единству духа; только они оба, отдельно и объединенно, могут выявить первоосновы, исходя из которых дух все совершает и выполняет; лишь в них обоих раскрывается сокровищница человеческой души, души духа. И как в сознании приходят к единству знание и воля, так же и философия в своем понятии и характере обусловлена своим единством логики и этики, единством, которому она подчиняет логику и этику. Это единство философии есть последняя истинная основа для единства наук о духе; для такого их единства, которое в своей основе познания, как в своих методических недрах, скрывает и естественные науки.

Логика и этика, если мы откажемся от претензий психологии, должны содержать достаточные основания наук о духе. Языки достигают апогея в истории. *Август Бек* определял классическую филологию как науку о древности⁴. Но все отрасли истории коренятся, с одной стороны, с ее языковым основанием, — в логике, с другой, с ее культурным содержанием, — в этике. И в широкой области истории науки вводят в свой состав более или менее материальную культуру, историю экономики, которая вплетается в политическую историю. Так возникает новый член и новый фундамент наук о духе в науке о праве, которая вновь имеет свой апогей в науке о государстве. Но и здесь вновь логика и этика остаются коренными основаниями; логика — для определения, классификации, подразделения и, в конце концов, столь же — для

³ Ср.: «Во всем подслушать жизнь стремясь, / Спешат явления обездушить, / Забыв, что если в них нарушить / Одушевляющую связь, / То больше нечего и слушать. / *Encheiridion naturae* — вот / Как это химия зовет» (*Гёте* И.-В. Фауст: Трагедия / Пер. с нем. Б. Пастернака. М., 1978. С. 82—83). Выражение «*encheiridion naturae*» буквально: «учебник (руководство) природы» Гёте узнал от своего учителя в Страсбурге, химика Якоба Райнбольда Шпильмана (Jakob Reinhold Spielmann); он обозначает те синтетические способы действия природы, которым человек подражать не может.

⁴ Vgl. *August Boeckh. Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften*, hg. Von Ernst Bratuscheck. Leipzig: V. G. Teubner, 1877. Во «Введении» филология «или то, о чем она говорит», определена «как история познания познанного» (S. 11) и в дальнейшем ограничена познанием древности (S. 12).

обоснования технических понятий во всеобщем основании познания. Но уже здесь корень логики соприкасается с корнем этики. Как могло бы осуществляться обоснование права без участия этики? Как могло бы удасться обоснование государства без этого участия? В праве нет никакого объекта без субъекта права, который в своих действиях, в своих договорах этот объект, как всегда, оформляет; в последней основе право имеет условием субъект. И насколько государства в своей самой примитивной основе покоятся на естественном фундаменте народов, настолько же уже понятие национальности в своей соотнесенности требует отношения к нравственному человеку, к этическому понятию нации и национального государства. Так этика оказывается позитивным, творческим условием для понятия государства, как и права в его последнем, его высшем объекте, который образует государство. Следовательно, философия в качестве логики и этики есть подлинная основа того, что науки о праве и государстве, без сомнения, являются науками о духе, представляют собой триумф наук о духе.

Большая область культуры оставалась до сих пор вне нашего внимания. Наука отвела наш взгляд от *искусства*. Но разве она не принадлежит самому духу? Мы давно знаем, что связь искусства и науки, в которой искусству предоставляется двусмысленное преимущество первенства⁵, скорее означает единство, для чего уже греческие грамматики установили терминологическое выражение. Одно выражается через два⁶. Наука и искусство означает: наука, а также наука искусства. При всем творческом своеобразии и творческой самостоятельности искусства, при всей личностной оригинальности художника, которая всегда относится и к технике, как личностное откровение гения, теория, во всей широте диапазона своих оснований, остается все же научным основанием любого искусства⁷. Однако, не беря во внимание технику, и традиция истории, которая ни в коем случае не ограничивает оригинальность, но скорее как естественная сила окрыляет гения, является духовно-научной предпосылкой и условием любого искусства и любого художника. В этой традиции народа, государства, времени, школы вновь логические основания техники объединяются с этическими элементами духовной и нравственной культуры. Так в этой видимой дуальности сохраняется единство. Но тем самым возникает новый раздел философии, *эстетика*, которая лишь с этим разделом кажется созревшей до системы. Это — современное дело *Канта*, благодаря которому его творчество удостоверяется в качестве системы и одновременно характеризует эту систему как духовный символ современности, в которой искусство представлено не только рядом с наукой как равноправный член духовной культуры, но тем самым ее преимущественным образом и породивший так, что она становится понимающей свои научные основания, и согласно этому сформировалась в *науку об искусстве*⁸. Но тем самым искусство оказывается в методически познанной, критическим сознанием постигнутой взаимосвязи с философией, и именно не только с логикой и эти-

⁵ Vgl. KVA 412.

⁶ Стилистическая фигура «Hendiadyoin» (греч. ἐν διὰ δύοιν букв. — *одно через два*, в риторике и лингвистике — стилистическая фигура, в которой одно понятие передается двумя близкими или родственными по семантическому значению словами).

⁷ К научной теории как основанию искусства см.: KVA 102 ff., 227 ff.; ArG I 217 ff., к технике искусства — I 219 ff.

⁸ См.: ArG I 62 и. ö. и приведенные там ссылки на Gottfried Semper, Heinrich Wölfflin, August Schmarsow, Adolf Hildebrand und Konrad Fiedler.

кой, но в той же мере и с эстетикой. Самостоятельное обоснование искусства, обоснование искусства в его самостоятельности и своеобразии является не просто итогом логики и этики, но оно есть собственный результат эстетики, с которой философия добивается подъема, если не завершения, к системе.

Но что мы можем теперь сказать о претензии некоторых предложить в качестве связующего звена наук о духе психологию? Мы не хотим здесь вступать в популярную дискуссию, которая вспыхнула об отношении психологии к философии⁹. Мы скорее хотим выразить удовлетворение тем, что в этой претензии признается господство психологии в науках о духе, и тем более полагается превосходство философии. Разумеется, философия никогда не должна полагаться иначе, нежели *систематической* философией.

Согласно нашим рассуждениям теперь стал лишним вопрос о том, является ли философия безусловно необходимой для единства наук о духе. Лишь благодаря членам философской системы представляется возможным отныне построение ими этого своего единства. Но вопрос все же нуждается не только в более точном обсуждении, является ли единство наук о духе само необходимым и не навязано ли оно скорее им. Естественные науки всегда удерживают идентичный объект природы, который они в градации своих методов разбирают и собирают. Однако каким же преимуществом обладают науки о духе перед требуемым, согласно логическому шаблону, единством? Этот вопрос стал здесь достаточным и исчерпанным. Единство не должно привлекаться как нечто стороннее, оно образует незаменимую творческую основу любой из него приистекающей множественности.

Но другой вопрос возникает со стороны философии: что означает для нее самой ее связь с науками о духе?

Все трудности, изгибы и окольные пути, которые пересекают движение философии, приистекают от ее изоляции, от ее отделения от наук. И такая судьба перепадает ей более со стороны наук о духе, чем со стороны естественных наук, с которыми с древности ее связывает математика. Следует признать за великое счастье для самой философии как науки о духе, то, что между ними, возможно впервые, в одном журнале¹⁰, установлена связь. Здесь философия находится вместе с близкородственными науками, которые в свой союз приняли математику — духовную сестру естественных наук, в то время как философия является общей матерью их всех. Однако, включенная в науки о духе, она не должна злоупотреблять своим материнским правом, но использовать и проявить во всей полноте связь, которая в ней возникла. Мы не описываем здесь то, какие преимущества может извлечь философия из этой связи. Следовало бы прояснить только то, что можно ожидать всеобщей культуре от подобной методической взаимосвязи. Само слово — не ново, но понятие еще никоим образом не прояснено. В связи с систематической философией, связь с которой является природной и неизбежной, должны теперь науки о духе приобрести, утвердить свое единое понятие и постепенно обезопасить его от любых опасностей философии, как и эмпирии. В

⁹ Предположительно намек на дебаты в связи с приглашением на кафедру Когена в конце 1912 г. экспериментального психолога Эриха Рудольфа Ениша. Как реакция на это последовал протест 106 студентов-философов против приглашения экспериментального психолога на философскую кафедру, и как следствие — соответствующая поляризация сил (см.: *Ulrich Sieg. Aufstieg und Niedergang des Marburger Neukantianismus*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1994. S. 363 ff.).

¹⁰ «Науки о духе», в первом номере которого появилась эта статья.

XVIII столетии говорили, что все споры о философии являются более или менее спорами о словах¹¹. Это не так. Они — споры о ее понятии, о непроясненностях, о неопределенностях, о неточностях, из которых и возникают роковые двусмысленности для использования языка культуры.

Из этих двусмысленностей фундаментального понятия культуры родилось одно современное слово, *мировоззрение*, которое выступает в качестве соперника философии. Только в науках о духе, в их внутренней связи, в их единстве, которое всегда должно быть и оставаться их задачей, их идеалом, может быть достигнута обобщающая, обозревающая живость познания, которая с наглядным представлением понимается как выражение непосредственности, оценивается как мировоззрение¹². Но ввиду логики и этики, напротив, эта непосредственность мировоззрения внутри наук о духе должна проходить испытание, ввиду школьной научной точности логики и ввиду истинной этики, как ее обосновал Сократ в учении о добродетели и как ее для этического познания на все времена возвысил Платон в идее блага. Теперь ни этика больше не отделена, ни логика не изолирована от своих наук. Для прогресса культуры, для ясности и точности ее принципов, для искренней и честной смелости ее использования, в котором одновременно сохраняется осторожность и рассудительность, для всей правдивости жизни духа могло бы действовать в качестве благоприятного, несомненного знака то, что наряду с господствующим царством естественных наук сейчас создается также сборный пункт для небесспорной, многоаспектной широкой области наук о духе. Наряду с политикой вопросы религии вызывают откровенное противостояние. Какие блага не только для национальной, но и для интернациональной политики, какие блага для духовной, душевной борьбы за веру, веру разума и его учение, веру разума во всех религиях и церквях принесло бы такое центральное место наук о духе! Дух — это альфа и это омега. Науки о духе имеют в качестве предпосылки учение о духе. Никакого духа — без науки. Наука — это альфа и это омега, или, говоря иначе, дух должен быть и тем и другим. Так теоретические интересы объединяются с этическими интересами культуры в уверенности успеха этого нового журнала наук о духе.

Перевод с немецкого В. Н. Белова

¹¹ Vgl.: *Moses Mendelssohn. Morgenstunden oder Vorlesungen über das Dasein Gottes // Gesammelte Schriften, Jubiläumsausg. Bd. 3.2. Stuttgart-Bad Cannstadt, Frommann-Holzboog, 1974. S. 104*: «Они знают, насколько я склонен к тому, чтобы все споры философских школ объяснить простым спором о словах либо, по меньшей мере, первоначально вывести их из этого спора», цит. по: Kant in Einige Bemerkungen von Herrn professor Kant (aus Ludwig Heinrich Jakobs Prüfung der Mendelssohnschen Morgenstunden oder aller spekulativen Beweise für das Dasein Gottes), Akad.-Ausg. VIII 152. Кант — «совершенно противоположного мнения и утверждает, что вещи, о которых, преимущественно в философии, в течение продолжительного времени шел спор, никогда не имел в своей основе спора о словах, но всегда — спор о предметах».

¹² Утвердительное использование Когеном этого понятия в его докладе „Das Judentum als Weltanschauung“ (*Dr. Bloch's Oesterreichische Wochenschrift, Centralorgan für die gesammten Interessen des Judenthums*, 15 (1898). Nr. 12 vom 25.3.1898. S. 221—223; Nr. 13 vom 1.4.1898. S. 241—243). Двумя выдающимися примерами нового использования понятия «мировоззрение» являются: 1) Эрнст Трельч: христианское мировоззрение и оппозиции ему [первоначально 1894] (*Gesammelte Schriften. Bd. 2: Zur religiösen Lage, Religionsphilosophie und Ethik. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1913. S. 227—327*); 2) Вильгельм Дильтей: типы мировоззрений и их развитие в метафизических системах (*Weltanschauung, Philosophie und Religion, hg. von Max Frischeisen-Köhler. Berlin: Reichl, 1911. S. 3—51 (=Dilthey: Ges. Schr. VIII 73—118)*).